E35
75

Е 55 75

ВЗГЛЯДЪ

НА

ПРЕПОДАВАНІЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА

ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

П. И. Иванова.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1883.

136044
Н. Об.

E35
75

ВЗГЛЯДЪ

НА

ПРЕПОДАВАНІЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА

ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Н. И. Иванова.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1883.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
27829 1984 г.

Дозволено Цензурой. Москва, 9 Апрѣля 1883 г.

Биб-ка Высшей школы
пропагандистов при ЦК ВКП(б)
№ 5360/74

ВЗГЛЯДЪ НА ПРЕПОДАВАНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Не смотря на всю важность положенія, какое занимаетъ изученіе отечественнаго языка въ системѣ общеобразовательныхъ наукъ, постановка его преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ отстала едва-ли не больше другихъ предметовъ отъ взглядовъ и пріемовъ, выработанныхъ современной наукой и педагогіей. Правда, не было у насъ недостатка во мнѣніяхъ относительно системы преподаванія этого предмета: предлагались поправки и дополненія къ курсу предмета, указанному учебными планами; подвергались обсужденію методы преподаванія его; представлены были даже новыя программы, — и однако все это едва-ли оказало большое вліяніе на возвышеніе уровня преподаванія предмета. Ученики, прошедшіе полный гимназическій курсъ и поступающіе въ высшія учебныя заведенія, благодаря характеру курса и способамъ преподаванія нашего предмета, а также вслѣдствіе извѣстнаго чинопослѣдованія въ распредѣленіи у насъ по классамъ учебныхъ предметовъ — обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ самое смутное понятіе о наукѣ отечественнаго языка. Внимательный наблюдатель не можетъ не придти къ выводу, что въ преподаваніи этого предмета есть существенные пробѣлы и недостатки. Не думаемъ, чтобы нашлись между преподавателями оптимисты въ этомъ отношеніи.

Не будемъ останавливаться на вопросѣ о важности преподаванія отечественнаго языка въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ *), перейдемъ прямо къ вопросу о постановкѣ преподаванія его въ гимназіи. Намъ кажется, что прежде,

*) Эта сторона предмета между прочимъ обстоятельно выяснена въ ст. проф. Будиловича: «О преподаваніи отечеств. яз. въ нашихъ гимназіяхъ» Русск. Филол. Вѣстн. 1882 г. № 1.

чѣмъ предлагать какія-нибудь новыя системы и методы, необходимо указать, въ чемъ заключаются недостатки существующей системы въ теоріи и практикѣ. Только этимъ пріобрѣтается право предлагать что-нибудь новое и этимъ же опредѣляется цѣна предлагаемаго. Гдѣ причина неудовлетворительнаго положенія дѣла и въ чемъ заключаются его недостатки? Преподаватели-ли, учебники или оффиціально установленная система и направленіе предмета тормозятъ дѣло? Знакомые съ дѣломъ преподаванія предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ интересующіеся учебною и ученою литературою его, едва-ли сомнѣваются, что первое мѣсто въ ряду этихъ причинъ принадлежитъ учебнымъ планамъ: учебникъ, претендующій на „одобреніе“ и употребленіе въ школѣ, обыкновенно располагается по готовой сѣткѣ плановъ, а преподаватель тѣмъ самымъ запутанъ въ этой сѣткѣ. Поэтому, разсматривая учебные планы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомимся въ общихъ чертахъ и съ учебною литературою предмета и съ практикою его, хотя скажемъ о томъ и другомъ нѣсколько словъ въ отдѣльности.

Изученіе отечественнаго языка въ обширномъ смыслѣ по учебнымъ планамъ слагается изъ двухъ элементовъ: изъ изученія строя языка — грамматики и усвоенія матеріала языка — объяснительнаго чтенія литературныхъ произведеній (разумѣемъ первые четыре класса). Прослѣдимъ сначала цѣль перваго рода изученія и средства къ ея достиженію. Какъ ни неумѣстенъ, по видимому, вопросъ о цѣли изученія науки и при томъ науки о родномъ языкѣ — ибо кто же серьезно будетъ ставить теперь вопросы о цѣли изученія, положимъ, географіи, ариѳметики или другой любой науки? — однако, по отношенію къ нашимъ учебнымъ планамъ и фактическому положенію дѣла онъ имѣетъ несомнѣнную важность. И теорія — планы, и приложеніе ея — преподаваніе представляютъ смутное и, по нашему, превратное понятіе о цѣли изученія отечественнаго языка (отчасти, впрочемъ, и другихъ особенно древнихъ языковъ, противъ чего и раздавались голоса). Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану преподаванія русскаго языка указывается значеніе практическихъ грамматическихъ заня-

тій — грамматическаго разбора въ томъ, что онъ служитъ „прочнымъ средствомъ укрѣплять въ сознаніи учениковъ законы отечественнаго языка“ (стр. 36 изд. 1879 г.), и что этому разбору должно быть отведено видное мѣсто въ ряду практическихъ занятій по родному языку. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ вывести, что учебные планы полагаютъ цѣль изученія роднаго языка въ знаніи его законовъ. Но обратимся къ разсмотрѣнію самаго учебнаго курса рус. грамматики по планамъ. Въ упомянутой выше статьѣ проф. Будиловича указана несостоятельность систематизаціи грамматическаго матеріала и отчасти неполнота его. Указавъ на непослѣдовательность въ распредѣленіи матеріала и на повтореніе одного и того же въ приготовит., первомъ и второмъ классахъ, авторъ говоритъ: „съ этимъ пережевываньемъ (грамматич. матеріала) еще можно бы помириться, когда бы старый матеріалъ вливался въ новую форму, освѣжался хоть сколько нибудь научной системой; но этого не видно въ планѣ. Тѣже старыя схоластическія рубрики; тоже отсутствіе послѣдовательности въ восхожденіи отъ однихъ явленій языка къ другимъ! Такъ напр. курсъ приготовительнаго класса предлагаетъ слѣдующую систематику грамматическаго матеріала: „раздѣленіе звуковъ и буквъ; дѣленіе словъ на слоги, удареніе; части простаго предложенія; части рѣчи“. Такимъ образомъ, планъ начинаетъ фонологіей, затѣмъ переходитъ къ этимологіи, перескакиваетъ къ синтаксису и опять возвращается къ этимологіи. Въ первомъ и второмъ классахъ порядокъ изложенія нѣсколько видоизмѣненъ, но безъ особеннаго успѣха: отъ фонологіи тутъ дѣлается непосредственный переходъ къ ученію о флексіяхъ, т. е. формахъ склоненія и спряженія, затѣмъ выводится на сцену ученіе о корняхъ и основахъ, отъ которыхъ дѣлается скачекъ къ синтаксису простаго и сложнаго предложенія. Такимъ образомъ ни въ приготовительномъ, ни въ I и II кл. не выдержана система. Если мы разъ поставили во главѣ грамматики ученіе о предложеніи, то, очевидно, избираемъ путь аналитическій и должны нисходить отъ предложеній къ словамъ, а отъ словъ къ слогамъ и звукамъ, т. е. отъ синтаксиса къ этимологіи а отъ послѣдней къ

фонологіи, и наоборотъ, отправляясь отъ звуковъ, мы слѣдуемъ, конечно, методу синтетическому, т. е. должны восходить отъ звуковъ къ слогамъ, корнямъ, основамъ и словамъ, а отъ послѣднихъ къ предложеніямъ, другими словами отъ фонологіи къ этимологіи и отъ нея къ синтаксису. Аналитическій путь намѣченъ въ планѣ приготов. класса, а синтетическій въ планѣ I и II кл.; но въ обоихъ случаяхъ методъ не выдержанъ и, какъ мнѣ кажется, совершенно напрасно, къ ущербу не только теоретическихъ, но и практическихъ интересовъ преподаванія“ *). Въ приведенныхъ словахъ указано на весьма важные и коренные недостатки въ распредѣленіи учебнаго матеріала грамматики по планамъ. Чтобы видѣть цѣль грамматическаго курса отечественнаго языка по тѣмъ же планамъ, достаточно обратить вниманіе на требованія, предъявленныя I—III классамъ. Тутъ мы видимъ, что каждый грамматическій отдѣлъ обязательно сопровождается требованіемъ знанія орѳографіи пройденнаго матеріала. Далѣе — объяснительная записка, давая указанія относительно веденія письменныхъ упражненій учениковъ низшихъ классовъ, гласитъ: „преподавателю обязательно рекомендуется обращать особенное вниманіе на диктовку въ примѣненіи къ пройденному изъ грамматики, такъ какъ въ этомъ именно возрастѣ, сейчасъ же послѣ прохожденія правила, всего удобнѣе и легче пріучить ученика писать правильно, нежели впослѣдствіи отучать его отъ ошибокъ“ (стр. 37). Такимъ образомъ указанія собственно учебнаго плана и объяснительной записки, вопреки вышеуказанному въ ней мѣсту, выдвигаютъ на первый планъ въ изученіи грамматики — орѳографію. Тоже самое доказываетъ, кажется, и принятая въ учебныхъ планахъ схоластическая система въ распредѣленіи грамматическаго матеріала. Можно сказать поэтому, что главная цѣль изученія грамматики по учебнымъ планамъ есть правописаніе. Если, однако, учебные планы нѣсколько путаются въ опредѣленіи цѣли изученія русской грамматики и упоминаютъ о законахъ языка, то практика — преподаваніе рѣшительно стоитъ на томъ пони-

*) Ibid стр. 7.

маніи дѣла, что грамматика въ гимназіи нужна только для того, чтобы научить правописанію. Какое отношеніе правописанія къ наукѣ о строѣ языка? И этотъ вопросъ въ сущности мало можетъ возбуждать сомнѣній, но, какъ увидимъ ниже, для насъ въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ важность. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что правописаніе есть лишь одно изъ многихъ практическихъ приложеній науки грамматической. Существуютъ, какъ извѣстно, двѣ системы выраженія рѣчи на письмѣ (конечно, буквенномъ только) — этимологическое или историческое и фонетическое правописаніе. И то и другое опирается въ своихъ основаніяхъ на изученіе строя языка. Существуютъ, однако, и другія приложенія науки о языкѣ — напр. въ наукѣ древностей, миѳологіи, исторіи, этнографіи и т. д. Исторія языка есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, исторія народныхъ понятій, вѣрованій, отношеній къ другимъ народамъ. Поэтому языкъ занимаетъ важное мѣсто въ ряду источниковъ для изученія культурной исторіи народа, особенно древнѣйшихъ эпохъ его жизни, отъ которыхъ мы не имѣемъ другихъ памятниковъ, кромѣ костей, орудій, могилъ. Возможность пользоваться этими источниками даетъ лингвистика — наука о строѣ языка. Такое примѣненіе этой науки дало уже, какъ извѣстно, блестящіе результаты въ трудахъ Як. Гримма — по германскимъ древностямъ, Пикте — по первобытной культурѣ индоевропейскихъ народовъ, М. Мюллера — по миѳологіи и др. Но несомнѣнно, что сама по себѣ наука о строѣ языка не ставитъ себѣ цѣлію то или другое практическое приложеніе, иначе это была бы не наука, а теорія искусства. Правописаніе для науки о строеніи языка такое же постороннее дѣло, какъ напр. счетоводство и бухгалтерія для теоріи чиселъ, т. е. математики.

Но быть можетъ иначе, чѣмъ учебные планы, понимаютъ цѣль изученія науки о языкѣ и отношеніе къ ней правописанія наши учебники по родному языку? Конечно, такія книги, какъ Историч. грам. проф. Буслаева, грам. Востокова и даже Ломоносова нигдѣ почти не смѣшиваютъ науки съ ея практическимъ примѣненіемъ, а тѣмъ болѣе, конечно, далеки отъ мысли ставить правописаніе цѣлію

изученія грамматики. Но наши ученики гимназіи въ большинствѣ случаевъ не подозрѣваютъ даже и существованія этихъ книгъ, а если иные знаютъ о ихъ существованіи, то навѣрно не понимаютъ, къ чему такія большія книги для того, чтобы научиться правописанію. Для гимназій существуетъ обширная фаланга такъ называемыхъ „практическихъ учебниковъ и руководствъ“ и просто „руководствъ“. По нимъ, конечно, складывается у учениковъ представленіе о наукѣ, ихъ вліянію невольно поддается и преподаватель. Но что это за руководства? Немало уже было говорено объ этихъ руководствахъ, и мы скажемъ о нихъ вообще нѣсколько ниже, а теперь касательно занимающаго насъ вопроса объ отношеніи учебниковъ къ вопросу о правописаніи замѣтимъ, что эти руководства — тѣже печальныя недоразумѣнія, что и учебные планы. Первая страница такихъ учебниковъ повѣствуетъ обыкновенно, что въ русскомъ „языкѣ“ 35 буквъ, за которыми непосредственно слѣдуютъ правила объ употребленіи і, и, ѳ, и т. д. въ томъ же родѣ (см. напр. грам. Кирпичникова и друг., имъ же имя легіонъ). Такимъ образомъ и наши учебные планы и употребительные въ гимназіи учебники смѣшиваютъ совершенно различныя вещи — науку съ ея практическимъ приложеніемъ, правописаніе съ теоріей языка, — мало того: ставятъ цѣлію всей науки. одно изъ практическихъ примѣненій ея.

Но, быть можетъ, такое смѣшеніе понятій не мѣшаетъ нашимъ учебнымъ планамъ, а за ними и нашимъ учебникамъ излагать дѣйствительно законы языка, какъ сказано въ объяснительной запискѣ? Для рѣшенія этого вопроса намъ опять нужно вернуться къ тѣмъ же учебнымъ планамъ и разсмотрѣть грамматическій матеріалъ, предлагаемый ими первымъ тремъ классамъ гимназіи (о IV кл. рѣчь у насъ впереди). Непослѣдовательность въ распредѣленіи грамматическаго матеріала уже указана въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ стат. проф. Будиловича. Мы обратимъ вниманіе на качество и количество этого матеріала. Во-первыхъ система изложенія матеріала совершенно схоластическая, составляющая преданіе и наслѣдіе такъ назыв. практическихъ грамматикъ еще со временъ Смотрицкаго. Не ду-

маемъ, чтобы это требовало объясненій: знакомые съ дѣломъ сами знаютъ это, для незнакомыхъ излагать цѣлую систему здѣсь, конечно, не мѣсто. По планамъ и по учебникамъ слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ части рѣчи съ ихъ подраздѣленіями, склоненіями и спряженіями. Что узнаетъ ученикъ новаго, неизвѣстнаго ему прежде, изъ курса I-го кл., т. е. изъ изученія этимологіи? Узнаетъ, что такое-то слово есть та, а не другая часть рѣчи, что одно слово есть такой-то падежъ, а другое такое-то лицо, время и число. Но въ началѣ объяснительной записки къ учебному плану русскаго языка говорится, что „русскій языкъ въ младшихъ классахъ гимназій есть единственный предметъ, въ которомъ значительная часть матеріала уже существуетъ въ головѣ учащихся, такъ что преподаватель имѣетъ полную возможность обращаться къ ихъ самодѣятельности“ (стр. 31). Какой же матеріалъ роднаго языка существуетъ въ головѣ учащагося, поступающаго въ 1-й классъ? Онъ вообще правильно ставитъ зависимость словъ въ рѣчи, слѣд. знаетъ склоненія и спряженія, согласованіе и управленіе словъ; онъ не скажетъ: моя товарищъ, т. е. знаетъ роды и т. д.; но онъ, положимъ, не знаетъ, что—„моя“ жен. родъ, что „отцу“ — дат. падежъ, „читалъ“ — прош. вр., что „нынѣ“ — нарѣчіе и т. д. Вотъ что онъ узнаетъ — грамматическія названія тѣхъ словъ и формъ, употребленіе и значеніе которыхъ ему уже извѣстно. Но важно ли это и насколько? Что больше — знаніе ли употребленія и значенія предмета (=представленія) или названія его? Безъ сомнѣнія, и названія имѣютъ въ нашемъ познаніи свою цѣну, но когда мы совершаемъ обратный процессъ — разъясняемъ для себя названіе, раскрываемъ знакъ понятій, а не тогда, когда мы узнаемъ названіе для готоваго понятія. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что и ученіе о склоненіяхъ и спряженіяхъ входитъ въ анализъ языка и составляетъ дѣйствительное, а не кажущееся только знаніе, но въ томъ только случаѣ, когда это ученіе знакомитъ насъ съ происхожденіемъ и условіями образованія формы, а это достигается только систематическимъ и научнымъ изложеніемъ предмета. Такимъ образомъ курсъ 1-го кл. русской грамма-

тики ничего существеннаго не даетъ ученику, кромѣ извѣстныхъ знаковъ въ видѣ граматическихъ терминовъ. Курсъ II кл. состоитъ изъ 2-хъ частей — изъ ученія о словообразованіи и о согласованіи словъ и ученія о простомъ предложеніи. Первая часть курса имѣетъ для ученика несомнѣнную важность, давая ему дѣйствительное и до извѣстной степени систематическое знаніе. Но такая обширная и важная часть грамматики, какъ ученіе о словообразованіи занимаетъ лишь половину курса II кл. и сопровождается неизбѣжными правилами о правописаніи суффиксовъ, приставокъ, на что и обращается главное вниманіе ученика, такъ что и ученіе о словообразованіи существуетъ въ курсѣ лишь на столько, на сколько это нужно, чтобы научиться правильно писать части слова. Вторая часть курса II кл. учитъ говорить и писать: „мой столъ“, а не моя столъ, „ты сидишь“, а не —ты сидитъ, „я и онъ или мы съ нимъ пойдемъ гулять“, а не—пойдетъ и не пойдутъ. и т. д. въ этомъ и состоитъ ученіе о согласованіи. Другими словами: ученику предлагаются правила о томъ, что онъ знаетъ лучше всякихъ правилъ. Здѣсь уже и номенклатура извѣстна ученику, и слѣдоват. что новаго эта часть курса вноситъ въ сознаніе ученика? „Ничего, иль очень мало“, отвѣтимъ словами поэта.

Подобнымъ же характеромъ отличается и курсъ III-го кл., и мы на немъ подробно останавливаться не будемъ, замѣтимъ лишь, что и въ синтактической области ученики мало пріобрѣтаютъ дѣйствительныхъ знаній, а больше упражняются въ схоластическомъ дѣленіи рѣчи на предложенія, безъ пониманія смысла ихъ внутренней связи. Не послѣднее мѣсто въ курсѣ III-го кл. занимаютъ конечно и знаки препинанія. Этотъ курсъ содержитъ „сводъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія“.

Итакъ курсъ русской грамматики даетъ ученику самое ограниченное количество знаній — дѣйствительныхъ, новыхъ для него, и то въ отсталой, давно забытой наукой схоластической системѣ. Но вотъ въ IV кл. ученикъ долженъ познакомиться съ языкомъ Остр. Еванг., „насколько онъ объясняетъ общій строй языка и сохранившіеся до насъ

остатки старыхъ формъ", какъ сказано въ объяснительной запискѣ. Требованіе, какъ видимъ, довольно высокой пробы для учениковъ. Но кто изъ преподавателей отечественнаго языка не знаетъ, что относящаяся сюда дѣйствительность представляетъ лишь блѣдную тѣнь начертанныхъ въ объяснительной запискѣ результатовъ изученія славянскаго языка въ IV кл.? Во-первыхъ, никакого общаго дѣйствительнаго строя языка русскаго въ головахъ учениковъ не сложилось въ первыхъ трехъ классахъ; во-вторыхъ, изъ трехъ недѣльныхъ уроковъ рус. яз. въ IV кл. одинъ только обыкновенно посвящается славянскому языку, а два остальные — на разборъ описаній и повѣствованій и письменныя упражненія. Одинъ недѣльный урокъ даетъ возможность ученикамъ кое-какъ познакомиться съ славянскими склоненіями и спряженіями и приучиться понимать славянскій текстъ. Вотъ и объясненіе строя русскаго языка славянскимъ! Итакъ ни первые три класса, ни IV кл. не даютъ ученику знанія законовъ русскаго языка, какъ того хочетъ объяснительная записка. Ученикъ, считающій себя достойнымъ получить аттестатъ зрѣлости, укажетъ вамъ цѣлый рядъ законовъ физическихъ, назоветъ и продекламируетъ разнообразныя математическія теоремы, не затруднится указать условія сочетанія звуковъ, формъ, словъ и предложеній въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, но спросите вы его, какіе онъ знаетъ законы языка отечественнаго, — и лишь изумленіе на его лицѣ будетъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ. Нормально ли такое положеніе дѣла и, если нѣтъ, то что можно и слѣдуетъ сдѣлать для предоставленія отчественному языку законныхъ правъ въ системѣ общеобразовательныхъ наукъ — гимназическихъ курсовъ? Конечно, могутъ быть различные взгляды на дѣло, и мы на своемъ еще недолгомъ вѣку встрѣчали людей, даже не просто людей, а педагоговъ, которые думаютъ, что нашимъ ученикамъ нечего много учиться русской грамматикѣ: они и безъ того умѣютъ говорить по-русски, лишь бы научились правописанію. Быть можетъ, не намъ только приходилось встрѣчаться съ такими мнѣніями. Но помиримся пока съ этимъ взглядомъ. Выше мы видѣли, что постановка курса русской грамматики по планамъ

имѣетъ въ виду главнымъ образомъ практическую цѣль — научить грамотному правописанію и отчасти „правоговоренію“, видѣли, что эта цѣль преслѣдуется вообще и на практикѣ. О разумности самой задачи, навязываемой нашей наукѣ, мы отчасти говорили выше, отчасти скажемъ ниже, а обратимъ вниманіе на то, дѣйствительно ли избранное средство ведетъ, или по крайней мѣрѣ должно вести къ назначенной для него цѣли — другими словами: какое существуетъ отношеніе между курсомъ русской грамматики по планамъ съ одной стороны и нашимъ правописаніемъ — съ другой? Каково вообще отношеніе орѳографіи къ наукѣ о строѣ языка, мы видѣли выше. Наше правописаніе, какъ извѣстно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, историческое или этимологическое, слѣдоват., дѣйствительныя основанія для него можетъ давать только историческій курсъ грамматики, но вѣдь нашъ курсъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи не заключаетъ въ себѣ даже и слѣдовъ исторіи элементовъ языка, а между тѣмъ въ теченіе этихъ именно трехъ классовъ и полагается научить учениковъ правописанію. Уже съ этой теоретической точки зрѣнія связь нашего правописанія съ учебнымъ курсомъ грамматики представляется слишкомъ сомнительною. Но обратимся къ самому курсу и тамъ поищемъ этой связи. Правила нашего правописанія сводятся, какъ извѣстно, къ употребленію буквъ: ѣ, ъ, ь, я, ы, ю, э, і; написанію приставокъ съ согласными окончаніями и написанію префиксовъ, суффиксовъ и флексій; сюда конечно присоединяются и знаки препинанія. Въ учебныхъ планахъ каждая орѳографическая категорія пріурочивается къ тому отдѣлу, гдѣ говорится именно объ этой категоріи словъ или частей ихъ. Такъ правописаніе флексій именныхъ пріурочено къ ученію о родахъ и склоненіяхъ существ. и прилаг., правописаніе флексій глагольныхъ отнесено къ спряженіямъ, правила правописанія другихъ частей рѣчи разставлены также и занимаютъ соотвѣтственные посты; правописаніе приставокъ, корней, суффиксовъ отнесено къ курсу II кл., гдѣ полагается изучить словообразованіе; наконецъ знаки препинанія занимаютъ предназначенное имъ мѣсто въ синтаксисѣ.

Повидимому, не только есть здѣсь связь правилъ правописанія съ соотвѣтственными частями курса, но и полная гармонія: послѣднія (=части курса) какъ бы основанія первыхъ (правилъ правопис.). Но возьмемъ на нѣсколько времени терпѣніе и посмотримъ внимательнѣе, не оптическій ли это обманъ. Начнемъ съ курса I кл. Послѣ изложенія плана ученія о существит. слѣдуетъ" орѳографія окончаній", т. е. правила о постановкѣ конечныхъ: ъ и ь послѣ шипящихъ (мечъ, печь), о постановкѣ ѣ въ предлож. пад. 1-го скл. и въ дат. и предлож. 2-го и т. д. Возьмемъ первый случай. — Правило гласитъ: въ именахъ мужеск. рода слѣдуетъ писать ъ, въ именахъ жен. рода ь, въ род. множ. послѣ тѣхъ же согласныхъ — ъ. Спрашивается, откуда такое правило? почему въ одномъ случаѣ — ъ, въ другомъ ь? Предъидущія правила о родахъ именъ и склоненіяхъ основаній для этого никакихъ не даютъ, — не различаетъ ихъ къ тому же и произношеніе. Почему слѣдуетъ писать: водѣ, а не — воде, въ поле — вин. и въ полѣ — предл. Напрасно было бы искать не только въ этомъ отдѣлѣ, но и въ цѣломъ курсѣ отвѣта на этотъ вопросъ. За существит. по чину положены прилагательныя и правила объ ихъ правописаніи. Тутъ указывается правописаніе родит. един. чис. (аго, ого, яго), имен. п. мн. чис., степеней сравненія; предписывается употреблять: „добраго", какъ написано въ грамматикѣ, а не —„добрава", какъ произноситъ ученикъ; „сильнѣе", а не —„сильнее" и т. д. Но поищите въ той же грамматикѣ отвѣта, почему нужно писать такъ, а не иначе. Отвѣтъ нашего курса одинъ: такъ написано въ грамматикѣ слово подъ рубрикой род. пад., сравн. ст. и т. д. Очевидно, и тутъ такой же поводъ толковать о способѣ написанія формъ, какъ и въ отдѣлѣ существит. Тоже самое относится къ числительнымъ, мѣстоименіямъ, глаголу, нарѣчію, предлогу и союзу. Ученикъ говоритъ напр. „видиш" — съ твердымъ *ш*, а ему приказываютъ писать ь на концѣ потому, что подъ 2-мъ лицомъ наст. вр. стоитъ написаніе: „видишь". Къ курсу II кл. относится ученіе о правописаніи приставокъ, корней и суффиксовъ; главнымъ образомъ здѣсь дѣло идетъ объ употребленіи ѣ, это центръ орѳографическихъ теорій

не только II кл., но и вообще всего грамматическаго ученія первыхъ трехъ классовъ гимназіи. Въ грамматикахъ приводятся коренныя слова съ буквою—ѣ съ ихъ производными. Но опять связь этого списка съ изложеніемъ собственно грамматическимъ и въ частности съ ученіемъ о словообразованіи только воображаемая. Списокъ этихъ словъ можетъ имѣть такое же мѣсто напр. въ хрестоматіи, исторіи, географіи и гдѣ угодно; одинаково ученики должны заучить его, не находя никакого объясненія, почему въ нихъ должны быть: *ѣ*, а не *е*, и не—*э*. Итакъ ни въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ курсъ грамматики не указываетъ, да и не можетъ указать, по своему характеру, дѣйствительной причины, основанія того или другаго написанія слова. Почему же именно къ грамматическимъ рубрикамъ пріурочены правила правописанія? Все дѣло въ томъ, что правила о правописаніи тѣхъ или другихъ словъ предлагаются въ тѣхъ именно отдѣлахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ ихъ склоненіи, спряженіи, родахъ и т. д. Стало-быть, чѣмъ же связываются одни правила съ другими — правила о родахъ, склоненіяхъ и спряженіяхъ съ правилами о правописаніи? Тѣмъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ объ однихъ и тѣхъ же словахъ, говорится, напр. о родахъ словъ „мечъ“ и „печь“ и и на этомъ основаніи указывается, какъ слѣдуетъ ихъ писать. Но въ такомъ случаѣ почему бы тамъ же не присоединить правилъ и о томъ, какъ слѣдуетъ ковать мечъ и дѣлать печь? И тамъ и здѣсь дѣло идетъ о мечѣ и о печи. Очевидно, въ этомъ направленіи можно пойти очень далеко, предоставляя себѣ совершенно забыть, что намъ требовалось только опредѣлить, что такое мечъ и печь, какъ грамматическія формы.

Такимъ образомъ законодательницею въ написаніи словъ является лишь форма написанія слова въ грамматикѣ, а о дѣйствительной связи правописанія съ языкомъ нѣтъ и рѣчи. Почему же образцомъ написанія слова должна быть форма, стоящая именно въ грамматикѣ, а не въ какой-нибудь другой книгѣ? Вѣдь, коль скоро ученикъ знаетъ, что род. над. „добраго“, срав. ст. „сильнѣе“, то гдѣ ни напишите этихъ формъ, вездѣ они могутъ служить одинако-

во образцомъ подражанія для ученика. Если вы говорите ученику: пиши „мечъ“, а не „мечь“ „водѣ“ потому, что они такъ написаны въ грамматикѣ, то я съ такимъ же правомъ могу сказать ему же пиши: „въ оружіи“, „мечъ“ такъ, а не иначе, потому что такъ написано въ учебникѣ исторіи, географіи или гдѣ хотите. Эта законодательная сила напечатанныхъ въ грамматикѣ формъ, какъ извѣстно, не рѣдко подаетъ поводъ ученикамъ обращаться къ преподавателю за разрѣшеніемъ недоумѣнія, почему это въ исторіи, географіи или ариѳметикѣ написано не такъ, какъ предписываетъ грамматика?

Изъ сказаннаго объ отношеніи правописанія къ учебному курсу грамматики ясно, что: а) связь ореографическихъ правилъ съ остальнымъ учебнымъ курсомъ грамматики чисто внѣшняя, механическая; б) слѣдоват. правила правописанія могутъ быть легко, совершенно безъ вреда для дѣла и безъ нарушенія смысла грамматическаго ученія удалены изъ такого курса грамматики.

Но скажутъ: изученіе русской грамматики въ первыхъ 3-хъ классахъ имѣетъ совершенно практическій характеръ, а въ такомъ случаѣ умѣстнѣе всего и первое практическое приложеніе грамматики — правописаніе присоединить къ этому курсу, тѣмъ болѣе что послѣднее удобно подгоняется подъ грамматическія рубрики школьнаго курса. Никто, конечно, не станетъ спорить, что курсъ нашего предмета по планамъ дѣйствительно ближе всего опредѣляется словомъ „практическій“. Но, по нашему, такое именно практическое направленіе грамматическаго курса и спеціальная его цѣль — научить правописанію и представляютъ, какъ мы постараемся показать ниже, одинъ изъ главныхъ тормазовъ дѣйствительному знанію, существенное зло въ преподаваніи предмета.

Выше мы оставили вопросъ о разумности общаго направленія и цѣли нашего учебнаго курса роднаго языка. И то и другое въ нашемъ курсѣ отчетливо выражается извѣстнымъ схоластическимъ опредѣленіемъ задачи грамматики — научить (читать) писать и говорить правильно. Можетъ ли быть оправдана такая задача грамматическаго кур-

са, хотя бы и первыхъ 3-хъ классовъ гимназіи? Что задача учить правильно писать не входитъ въ задачи грамматики, что ученіе о правописаніи въ нашихъ планахъ и учебникахъ не имѣетъ никакого существеннаго отношенія къ грамматическому матеріалу — это мы уже видѣли. Можетъ ли составлять цѣль школьной грамматики — учить правильно говорить? Едва ли теперь кто нибудь станетъ навязывать школьной грамматикѣ эту задачу, да еще грамматикѣ роднаго языка! Если даже при этомъ оставить въ сторонѣ общія соображенія о томъ, что въ дѣйствительности не языкъ подчиняется грамматическимъ обобщеніямъ, а на оборотъ — грамматика строитъ свои теоріи на основаніи фактовъ языка (равно какъ и всякая наука не можетъ, конечно, дѣлать предписаній явленіямъ дѣйствительности и измѣнять на основаніи своихъ теорій ходъ и отношеніе этихъ явленій); если далѣе — согласиться, что грамматическія теоріи оказываютъ извѣстную долю вліянія на наше собственно литературное произношеніе формъ, — то все-таки окажется, что для того, чтобы научить правильно говорить, нѣтъ надобности вводить цѣлый курсъ, да еще въ нѣсколькихъ классахъ. Для этого достаточно было бы на самыхъ первыхъ порахъ заставлять ученика читать доступныя ему книги, да въ рукахъ учениковъ есть русская хрестоматія, которая и можетъ съ успѣхомъ выполнить эту задачу. Но мы выше замѣтили, что ученики, поступая напр. въ I кл., вообще уже владѣютъ умѣніемъ правильно употреблять формы и сочетать предложенія (разумѣется, за исключеніемъ иноплеменниковъ, какъ жиды, поляки въ югозап. краѣ, но для нихъ спеціально никто, вѣроятно, не думалъ вводить особаго курса). Затѣмъ ученики упражняются въ заучиваніи стихотвореній, учатъ уроки по другимъ предметамъ, разумѣется, на русскомъ же языкѣ, — все это безъ сомнѣнія вполнѣ можетъ гарантировать, что ученикъ въ четыре года совершенно овладѣетъ литературнымъ языкомъ. Такимъ образомъ и эта задача грамматики — учить правильно говорить оказывается несостоятельною.

А между тѣмъ каковы практическія послѣдствія тако-

го пониманія школьною грамматикою своей задачи учить правильно писать и говорить? Послѣдствія такого рода, что невольно обращаютъ на себя вниманіе всякаго, сколько нибудь сознательно относящагося къ дѣлу. Во-первыхъ, существующій, можно сказать — никуда негодный учебный планъ русской грамматики — былъ причиною появленія цѣлой фаланги тоже никуда негодныхъ практическихъ руководствъ по этому предмету и остановилъ развитіе учебной литературы въ качественномъ отношеніи. Ученики смотрятъ на грамматику, какъ на науку правописанія, преподаватель почти не имѣетъ повода и побужденія пополнять свои свѣдѣнія по наукѣ и обращаетъ науку о строеніи языка въ механическую теорію искусства правописанія. Но этимъ, по нашему, не оканчиваются неблагопріятныя практическія послѣдствія такой постановки изученія роднаго языка. Безъ представленія о предметѣ, какъ извѣстно, не мыслимо стремленіе къ нему. Отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго цѣльнаго представленія о наукѣ роднаго языка у получившаго среднее, а иногда и высшее образованіе человѣка есть, по нашему, одна изъ многихъ причинъ, почему вообще такъ мало у насъ родной языкъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе образованныхъ людей, предпочитающихъ ему иностранные языки.

Быть можетъ, мы слишкомъ долго останавливались на разборѣ того, что само по себѣ очевидно; полагаемъ, что и безъ нашихъ разсужденій многіе не сомнѣваются въ указанныхъ недостаткахъ курса нашего предмета, но и мы не сомнѣваемся въ томъ, что далеко не представляютъ исключенія и такіе преподаватели отечественнаго языка, которые, по видимому, не дали себѣ рѣшительно никакого труда вникнуть въ смыслъ преподаваемаго ими курса. Говоримъ это не предположительно. Въ той же книжкѣ Рус. Фил. Вѣст., гдѣ помѣщена выше упомянутая статья проф. Будиловича, есть статья „О письменныхъ работахъ по рус. языку въ низшихъ классахъ гимназіи“ преподавателя отечественнаго слова. Въ началѣ своей ст. онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „цѣль грамматическаго ученія, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы ученики не только знали правила русской орѳографіи, но и

умѣли бы приложить ихъ къ дѣлу, чтобы они писали орѳографически правильно" и т. д. (Рус. Фил. Вѣст. № 1—1882 г. стр. 13 педагог. отд.). Непосредственно передъ этими словами авторъ говоритъ о важности грамматическаго ученія и выдвигаетъ его на первый планъ въ курсѣ отечественнаго языка вообще, а сводитъ это важное грамматич. ученіе къ правописанію! И это еще люди, интересующіеся литературою своего предмета. Какой-же иной взглядъ надо предполагать въ массѣ не интересующихся ею? Содѣйствовать сколько нибудь разрушенію такого, по нашему, потерявшаго уже право на существованіе превратнаго взгляда на дѣло и было нашею руководящею мыслію при подробномъ разборѣ постановки нашего предмета. Быть можетъ, найдутся и защитники status quo; желательно было бы выслушать ихъ защиту.

Изъ всего доселѣ сказаннаго сдѣлаемъ только слѣдующій выводъ: постановка учебнаго курса отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики: система курса схоластическая, содержаніе его малоцѣнно и довольно безжизненно, цѣль — слишкомъ узкая и произвольная. Мало того: учебный планъ нашего предмета и отраженіе его въ учебникахъ и въ преподаваніи производятъ въ извѣстномъ отношеніи мертвящее дѣйствіе на школу.

Теперь мы обратимся къ поставленному уже нами раньше вопросу: что можно сдѣлать для улучшенія постановки дѣла? Были предположенія и попытки поставить дѣло на болѣе жизненную, современную основу,—предлагали обращать особенное вниманіе при практическихъ грамматическихъ занятіяхъ на этимологическій составъ словъ взамѣнъ употребляющагося еще и теперь схоластическаго этимологическаго и синтактическаго разбора, ограничивающагося указаніемъ принадлежности слова къ извѣстной части рѣчи или къ извѣстному роду предложеній, гдѣ такимъ образомъ все дѣло почти сводится къ номенклатурѣ, не касаясь внутренняго содержанія разбираемаго, процесса его образованія и взаимнаго отношенія язычныхъ элементовъ. Конечно, такія попытки уже составляютъ шагъ впередъ, но

Биб-ка Высшей школы пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б)
№ 136074

они все-таки далеко не восполняютъ указанныхъ коренныхъ недостатковъ курса. Затѣмъ, какъ не представляющія ничего цѣльнаго и систематическаго, эти попытки не вызвали, кажется, ни одного учебника.

Нашъ взглядъ на дѣло въ общихъ чертахъ, полагаемъ, достаточно выяснился изъ предъидущаго. Наука должна быть поставлена, какъ наука въ ея современномъ, а не давнопрошедшемъ смыслѣ, видѣ и значеніи. Коль скоро признано нужнымъ существованіе въ гимназическомъ курсѣ особой науки о родномъ языкѣ, то она должна прежде всего преслѣдовать свою собственную задачу, быть самой собою, а не превращаться въ какое нибудь искусство; практическое приложеніе наука должна сама себѣ находить и не нуждается въ навязываніи ей той, а не другой области примѣненія. Но скажутъ: какая тамъ дѣйствительная наука можетъ быть преподаваема въ низшихъ классахъ гимназіи? Допустимъ, что тамъ невозможна такая наука, а должна её замѣнять какая нибудь сфера практическаго приложенія науки. Но тогда нужно быть послѣдовательными и обратить напр. ариѳметику въ собраніе правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ расчитываться съ рабочими, или какъ нужно сплавлять металлы, какъ и куда выгоднѣе помѣщать капиталы: вѣдь для всего этого ариѳметика даетъ основанія и къ тому же въ ней встрѣчаются ученикамъ задачи на вышеприведенные случаи. Никто, однако, даже въ самыхъ практическихъ гимназическихъ руководствахъ ариѳметики не думалъ превращать ариѳметику въ собраніе такого рода правилъ. Наука остается наукою, хотя и въ элементарномъ видѣ, и вопросъ объ объемѣ науки о родномъ языкѣ въ низшихъ классахъ можетъ быть рѣшаемъ, разумѣется, различно. Итакъ мы не сомнѣваемся, что русская грамматика и въ низшихъ классахъ должна быть дѣйствительною наукою и по содержанію и по системѣ изложенія, а не сборникомъ случайныхъ правилъ. Только вполнѣ научное, систематическое знаніе, помимо всякихъ узкопрактическихъ примѣненій, имѣетъ дѣйствительную цѣну, независимо отъ какихъ бы-то ни было условій времени и мѣста, чего нель-

зя сказать о практическомъ знаніи. Другой вопросъ—какъ удовлетворить этому требованію въ гимназіи? Въ вышеупомянутой ст. проф. Будиловича начертанъ широкій планъ для постановки изученія отечеств. языка въ гимназіи. Опредѣливъ значеніе изученія роднаго языка въ системѣ общеобразовательныхъ наукъ вообще, авторъ согласно съ этимъ и указываетъ мѣсто русской грамматики въ числѣ предметовъ гимназическаго курса; онъ расширяетъ существующія для нея рамки — не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи. Онъ дѣлитъ преподаваніе предмета на два курса: низшій въ I—IV кл. (15 недѣльныхъ часовъ) и высшій въ VII и VIII кл. (по 2 часа въ недѣлю). Онъ вводитъ наконецъ въ гимназическій курсъ рус. грамматики не только историческій, но и сравнительный элементы. Никто, конечно, кому дороги серьезные успѣхи отечественнаго образованія, не станетъ отрицать важность такой постановки дѣла. Но едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что все, что сопряжено въ распредѣленіи курсовъ въ гимназіи съ извѣстною ломкою, какъ бы оно ни было раціонально и законно, можетъ разсчитывать на осуществленіе лишь при особенно благопріятныхъ для того условіяхъ. Для этого недостаточно сказать и даже совершенно доказать, что это такъ, но необходимо, чтобы доказанное сдѣлалось достояніемъ сознанія и убѣжденія многихъ, а это достигается, конечно, не легко. По этимъ соображеніямъ мы въ своихъ предположеніяхъ касательно постановки преподаванія отечественнаго языка ограничимся пока тѣмъ положеніемъ предмета, какое онъ занимаетъ теперь въ системѣ гимназическаго курса наукъ, въ увѣренности, что дѣло поставленное на свою настоящую почву, само проложитъ себѣ дорогу къ болѣе широкой постановкѣ. Выше мы выразили убѣжденіе въ томъ, что гимназическій курсъ русской грамматики долженъ быть научнымъ и по содержанію и по изложенію. Теперь обратимъ вниманіе на объемъ курса. Проф. Будиловичъ требуетъ для низшихъ классовъ историческаго курса рус. грамматики, т. е. параллельнаго изложенія церковнославянскаго древняго и новаго періодовъ (языка современ. богослуж. книгъ) и русскаго яз. Намъ такой объемъ пре-

подаванія представляется слишкомъ широкимъ и мало доступнымъ для учениковъ особенно первыхъ двухъ классовъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, понятіе развитія, да еще такого сложнаго явленія, какъ языкъ, представляется намъ слишкомъ отвлеченнымъ, чтобы ученики низшихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ могли усвоить себѣ его. Во-вторыхъ, изученіе такого предмета, какъ языкъ, требуетъ непремѣнно (особ. конечно, въ низшихъ клл.) постоянныхъ упражненій въ усвоеніи матеріала языка — въ данномъ случаѣ операцій надъ звуками, словами, формами и сочетаніями ихъ. Слѣдовательно, ученикамъ при такомъ объемѣ преподаванія пришлось бы одновременно упражняться въ чтеніи трехъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ текстовъ изучаемаго языка. Какъ, по видимому, ни цѣлесообразно такое занятіе при (историческомъ) изученіи языка, однако, недьзя забывать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ учениками первыхъ классовъ гимназіи, лишь начинающими усваивать себѣ элементарныя научныя свѣдѣнія данной области. Вотъ почему мы полагали бы ограничить первоначальный курсъ русской грамматики сферою одного русскаго языка въ современной и при томъ только литературной формѣ его. Затѣмъ болѣе подробное опредѣленіе объема курса можетъ быть сдѣлано, какъ намъ кажется, на основаніи сравненія нашего предмета съ объемомъ преподаванія въ тѣхъ же классахъ напр. датин. и греч. языковъ. Если уже въ I-мъ классѣ ученикъ долженъ отличать даже недоступныя его пониманію долготы и краткости латин. языка (во флексіяхъ), если онъ въ III-мъ кл. долженъ постигнуть и тонкости греческой фонетики и акцентуаціи, а изъ латин. грамматики долженъ знать всѣ такъ называемыя исключенія изъ общихъ правилъ о родахъ именъ, склоненіяхъ и спряженіяхъ, то мы можемъ требовать отъ ученика тѣхъ же классовъ знанія полной системы звуковъ рус. языка и законовъ ихъ сочетанія, способа образованія всѣхъ формъ — при всѣхъ общихъ и спеціальныхъ условіяхъ, сочетанія словъ и предложеній, при чемъ послѣднее, какъ теорія того, что онъ уже употребляетъ въ своей рѣчи, не можетъ составить затрудненія.

Не разъ было указываемо, — и проф. Будиловичъ въ своей статьѣ настаиваетъ на этомъ — что преподаваніе роднаго языка должно идти впереди изученія всѣхъ прочихъ языковъ. Доказательства его просты и вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримы. Они основаны на законахъ развитія сознанія ребенка и самыхъ элементарныхъ требованіяхъ педагогики, основанныхъ на тѣхъ же законахъ. И тамъ и здѣсь процессъ одинъ и тотъ же — движеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному. Да едвали кто при здравомъ взглядѣ на дѣло и станетъ отвергать справедливость этой мысли. Только наши учебные планы и практика, конечно, въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, отстали отъ движенія современной науки. Въ этомъ отношеніи весьма важно соображеніе, высказанное въ той же статьѣ о томъ, что учебные планы при нормальныхъ условіяхъ не должны оставаться чѣмъ-то неизмѣннымъ, заповѣднымъ; что въ свое время могло казаться имѣющимъ смыслъ, то съ теченіемъ времени иногда лишается этого призрака.

Теперь мы должны еще взглянуть на преподаваніе славянскаго языка. Неудовлетворительность постановки его по учебнымъ планамъ, кромѣ нѣкоторой ненаучности въ системѣ, заключается въ ограниченности времени, отводимаго для него, а также въ отсутствіи изученія связей церковнославян. языка съ современнымъ русскимъ, т. е. церковнослав. новаго періода и древнерусскаго языка. Поэтому мы полагаемъ, что слѣдующій за русскою собственно грамматикою курсъ славянскаго языка долженъ заключать въ себѣ элементы всѣхъ главныхъ моментовъ развитія русскаго языка — начиная древнеславянскимъ и оканчивая современнымъ русскимъ. Безъ этого преподаваніе у насъ славянскаго языка какъ бы виситъ на воздухѣ и лишь въ очень слабой степени выполняетъ свое назначеніе — служить объясненіемъ общаго строя русскаго языка. Такой курсъ славяно-русской грамматики, конечно, слишкомъ широкъ для того, чтобы могъ быть проходимъ въ одинъ годъ въ IV кл. да еще при одномъ — двухъ урокахъ. Мы какъ поэтому, такъ и по соображенію общаго развитія учениковъ полагаемъ возможнымъ начать такой курсъ въ III кл. даже при одномъ

урокѣ, если одинъ оставить для прохожденія синтаксиса русскаго.

Такимъ образомъ при существующихъ условіяхъ мы предлагаемъ слѣдующее распредѣленіе нашего курса:

I — II кл. Русская грамматика статическая — ученіе о звукахъ, словообразованіи и значеніи словъ и ихъ элементовъ — современнаго рус. языка.

III кл. Продолженіе рус. грамматики — ученіе о сочетаніи словъ и предложеніи; начало исторической славяно-русской грамматики.

IV кл. Остальныя части славянской грамматики.

Приготовительный классъ мы совсѣмъ исключаемъ изъ числа классовъ, гдѣ должна быть изучаема научно русская грамматика.

Выше мы сказали, что курсъ грамматики русской долженъ имѣть строго научный характеръ и по содержанію и по изложенію — системѣ. Въ такомъ курсѣ по указаннымъ выше причинамъ не должно быть, разумѣется, мѣста правиламъ правописанія.

Быть можетъ, иные придутъ въ ужасъ отъ такого предложенія (выше поименованный г-нъ преподаватель, указывающій цѣль изученія русской грамматики въ усвоеніи орѳографіи, не знаетъ даже „во что слѣдуетъ придти, если ученикъ высшихъ классовъ допуститъ этимологическую ошибку“. А все-таки и у зрѣлыхъ гимназистовъ этимологич. ошибка не особенно большая рѣдкость. „Идеалы вообще лежатъ за предѣлами достижимаго“! (Будил.). Но пусть они успокоятся, мы и не думаемъ проповѣдовать безграмотность. Никто, конечно, не станетъ отрицать важности требованія отъ ученика грамотнаго правописанія. Защитники его обыкновенно еще подкрѣпляютъ себя доводомъ, что вѣдь правописаніе — историческое и не совсѣмъ пустая форма, какъ можетъ казаться съ точки зрѣнія чистой науки, на которую обыкновенно ссылаются защитники строго-фонетическаго правописанія. Правописаніе, говорятъ, есть въ нѣкоторомъ родѣ наглядная исторія словъ. Не станемъ возражать и противъ этого, и все-таки даемъ чистую отставку правописанію изъ курса грамматики, по крайней мѣрѣ

перваго, т. е. статическаго курса ея: Объ историческомъ въ этомъ отношеніи скажемъ ниже. Но куда же дѣть правописаніе, и какъ научить ему? Вѣдь именно въ первые три года ученикъ и долженъ постигнуть правописательную мудрость. Признаемъ послѣднее и относимъ изученіе правописанія къ числу практическихъ занятій, связанныхъ съ объяснительнымъ чтеніемъ, т. е. вполнѣ присоединяемъ правописаніе къ хрестоматіи, а не къ грамматикѣ. Почему право на ученіе правописанію не только можно, но и должно отнять у грамматики, мы уже видѣли. Присоединеніе этого спеціальнаго практическаго занятія къ числу другихъ, имѣющихъ предметомъ разбираемыя и заучиваемыя статьи хрестоматіи намъ представляется не только возможнымъ, но и цѣлесообразнымъ. Для болѣе удобнаго однако выполненія этой задачи слѣдуетъ только въ хрестоматіяхъ составить особый отдѣлъ, который представлялъ бы систематическія статьи для диктанта съ возможно большимъ количествомъ примѣровъ на каждый случай правописанія; къ этому же отдѣлу могутъ быть послѣ примѣровъ по отдѣламъ присоединены и общія замѣчанія о правописаніи, а также списки словъ съ буквою *ъ* и т. д. Такимъ образомъ мы полагаемъ совершенно возможнымъ механическое усвоеніе правописанія (каково оно и теперь) въ продолженіе даже двухъ лѣтъ. Съ III кл., по-нашему, начинается историческое изученіе отечественнаго языка, и этотъ только курсъ даетъ ученику удовлетворительныя объясненія большей части случаевъ нашего правописанія, а для болѣе вѣрнаго достиженія цѣли къ этому курсу должны быть присоединены въ видѣ отдѣльнаго прибавленія или примѣчаній въ текстѣ объясненія современнаго намъ правописанія. Можно смѣло сказать, что при такомъ распредѣленіи ученики не только не будутъ безграмотно писать, но и будутъ сознательно — грамотно писать, чего теперь преподавателю не всегда удается достигнуть.

Нельзя наконецъ не обратить вниманія и на то, могутъ ли выполнить задачи описаннаго выше въ общихъ чертахъ курса отечественнаго языка перваго и втораго курса

существующія поэтому предмету руководства? Конечно, упомянутыя книги, какъ историч. грам. проф. Буслаева и др. представляютъ весьма обильный матеріалъ не только для гимназиста, но и для студента, хотя и эти книги, какъ извѣстно, страдаютъ очень важными недостатками въ отношеніи главнымъ образомъ научной системы. Но такія книги не всегда, у насъ служатъ пособіями и для преподавателей, даже для составителей краткихъ руководствъ. Причина этого простая, главнымъ образомъ она лежитъ, конечно, въ той же безжизненной и схоластической постановкѣ русской грамматики въ гимназіи. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ такъ называемыхъ практическихъ руководствахъ. Мы не беремся точно указывать ни того, гдѣ и какія руководства употребляются, ни достоинства многихъ или каждаго изъ нихъ, ибо на это нужно было бы потратить безполезно много времени. Есть руководства, которыя по замыслу, по крайней мѣрѣ, если не по исполненію, приближаются къ вѣрному пониманію дѣла. Однако, тотъ фактъ, что напр. руководство Кирпичникова выдержало въ продолженіе 10—11 лѣтъ чуть не 20-ть изданій въ десяткахъ тысячъ, говоритъ самъ за себя очень выразительно. Этотъ учебникъ самый приспособленный къ учебнымъ планамъ рус. грамматики въ гимназіи, слѣд., потребительницами 20 ти изданій его были главнымъ образомъ гимназіи. Каковы достоинства этого и ему подобныхъ руководствъ? Если бы напр. изъ этимологіи Кирпичникова выбросить всѣ правила орѳографіи и составленныя исключительно для нея въ концѣ книги приложенные примѣры, то она со стыдомъ должна была бы удалиться даже съ теперешней сцены, ибо теоретическая собственно грамматическая часть ея не составила бы и 10 страницъ, содержащихъ при томъ такой цѣнный научный матеріалъ, какъ пространныя таблицы склоненій и спряженій: это въ полномъ смыслѣ практическія руководства! Такимъ руководствамъ довлѣетъ титулъ „орѳографологій“; „грамматика“ для нихъ уже анахронизмъ или, лучше сказать, они анахронизмъ для „грамматики“. Они злоупотребляютъ терминомъ. И вотъ въ такихъ-то руководствахъ заключается для гимназиста — и не зрѣлаго и „зрѣлаго“ —

вся наука объ отечественномъ языкѣ! Нельзя не пожалѣть искренно о такомъ положеніи дѣла, и этимъ чувствомъ вызваны всѣ предъидущія строки. Мы не думаемъ однако, что въ элементарныхъ учебникахъ слѣдуетъ употреблять сухое научное изложеніе предмета; мы также признаемъ необходимость практическаго изложенія, но практичность въ этомъ случаѣ понимаемъ совершенно иначе, чѣмъ наши планы и и учебники. Практичность, по-нашему, не должна вліять ни на качество содержанія, ни на систему его и общій планъ курса вообще. Практическій характеръ учебника долженъ проявляться во 1-хъ въ способѣ изложенія отдѣльныхъ научныхъ грамматическихъ обобщеній, а во 2-хъ въ обиліи примѣровъ на разные отдѣлы курса. Важность послѣдняго при систематическомъ научномъ изложеніи предмета въ учебникахъ, полагаемъ, не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается перваго, то мы полагаемъ весьма полезнымъ введеніе въ элементарный курсъ русской грамматики метода элементарной математики — ариѳметики, геометріи, алгебры. Разумѣемъ практическій методъ, по которому примѣры предшествуютъ теоретическимъ обобщеніямъ, такъ что ученики самымъ естественнымъ процессомъ сравненія и отвлеченія доходятъ до обобщеній. Мы не сомнѣваемся, что многими практикуется этотъ методъ въ преподаваніи и грамматики, но если онъ не находитъ себѣ поддержки въ учебникѣ, то все таки является для учениковъ случайнымъ, оторваннымъ отъ курса. А между тѣмъ важность и необходимость систематическаго проведенія этого метода, особенно въ низшихъ классахъ при строго научномъ изложеніи несомнѣнны. Руководствъ съ подобнымъ содержаніемъ и системою изложенія мы не знаемъ въ нашей учебной литературѣ, да ихъ, кажется, и нѣтъ. Мы увѣрены, что, когда дѣло будетъ поставлено на настоящую научную почву, то потребуются подобнаго рода книжки. Доказательствомъ этому служитъ исторія преподаванія и учебниковъ математики. Сравните старые учебники съ новыми — употребительными въ гимназіяхъ теперь, и увидите, въ чемъ состояло усовершенствованіе изложенія.

Но скажутъ: математика точная наука; тамъ возможна

и строгая система изложенія и указанный практическій пріемъ, естественнымъ путемъ приводящій къ обобщеніямъ и выводамъ; — отвѣтимъ: по-нашему, грамматика на первой ступени ея изученія (I, II, III кл.) должна быть такою же точною наукою, какъ и математика. Для иныхъ, пожалуй это покажется неожиданностью; — о какой мы точности толкуемъ (они, конечно, знаютъ, „исключенія“, неправильныя склоненія и спряженія“, въ математикѣ же исключеній и неправильностей, какъ извѣстно, нѣтъ) и назовутъ они это мнѣніе увлеченіемъ. Но съ такими людьми нужно было бы начать разговоръ съ другаго конца.

Изъ сказаннаго о мѣрахъ, которыя могутъ улучшить постановку преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, сдѣлаемъ лишь слѣдующія заключенія: 1) успѣхъ его непосредственно зависитъ отъ постановки его на единственно непоколебимую — научную почву; 2) наша учебная литература предмета совершенно неудовлетворяетъ такой постановкѣ его и требуетъ значительной переработки и подновленія. Прежде всего, конечно, слѣдовало-бы позаботиться о выработкѣ программы обоихъ видовъ школьнаго курса русской грамматики,—программы точной и обстоятельной какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны метода изложенія и общаго плана курса. Здѣсь, конечно, должны соединиться силы теоретическаго знанія и педагогической опытности, чтобы программа вполнѣ удовлетворяла современному состоянію науки о родномъ языкѣ и требованіямъ педагогики и дидактики.

Этимъ мы теперь закончимъ разсужденія свои о постановкѣ изученія рус. грамматики и перейдемъ къ другому элементу ученія по родному языку — къ такъ называемому объяснительному чтенію и связаннымъ съ нимъ практическимъ упражненіямъ. Но этому мы надѣемся посвятить особую замѣтку.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР 1984 Г.

50.

QH 89 2